

УДК 94

И.С. КЛИМЦОВ
(iklimtsov@yandex.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ЯКОБИНСКОЙ ДИКТАТУРЫ НА РАЗВИТИЕ ФРАНЦИИ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВВ.*

На примере декретов Национального Конвента рассматриваются конкретные действия якобинской диктатуры в области социально-экономической политики. Приводятся историографические оценки, а также анализируется влияние на развитие Франции конца XVIII – первой четверти XIX вв.

Ключевые слова: *якобинцы, диктатура, декреты, Франция, Французская революция.*

Период Якобинской диктатуры (июнь 1793 – июль 1794 гг.) часто предстает в историографии как символ революционного террора. Некорректно сводить ее значение лишь к политике репрессий. Данная работа посвящена анализу социально-экономической политики Якобинской диктатуры с целью выявления влияния на развитие Франции к. XVIII – первой четверти XIX вв.

Историография вопроса представлена в работах отечественных и зарубежных историков. К последним следует отнести исследования А. Матьеза, А. Собоуля, Ф. Фюре, Д. Рише. Корпус отечественных историков представлен работами А.В. Адо [1], Н.М. Лукина [8], А.З. Манфреда [10], В.Г. Ревуненкова [15] и др.

Одним из первоочередных актов сформировавшейся после восстания 31 мая – 2 июня 1793 г. якобинской власти стала разработка Конституции 1793 г. [11, с. 143]. Утвержденная 24 июня, но отсроченная «до подписания мира», она меняла принципы легитимности власти, предусматривая всеобщее избирательное право для мужчин [5, с. 231]. Помимо этого, гарантировался широкий спектр прав человека и гражданина, таких как свобода совести, равенство и др. [Там же, с. 216].

Социально-экономический курс проявился в декрете от 3 июня 1793 г. «О продаже имущества эмигрантов». Закон предписывал дробить крупные владения на мелкие участки, реализуемые через публичные торги под контролем назначаемых комиссаров [6, с. 104]. Помимо очевидной фискальной выгоды, эта мера имела важную социально-политическую цель: в период установления нового порядка необходимо было завоевать поддержку бедноты: санкюлотов и крестьян, демонстрируя разрыв со старым порядком. Однако, следует отметить, что этот подход не был новым, поскольку развивал практику, провозглашенную в декрете от 14 августа 1792 г. о продаже земель мелкими наделами, который, в свою очередь, опирался на созданный зимой 1792 г. фонд конфискованных у мигрантов имуществ «второго происхождения» [Там же, с. 65].

Декрет о способе раздела общинных земель от 10 июня 1793 г. устанавливал то, что разделу не подлежали земли с месторождениями полезных ископаемых, чья ценность превышала стоимость самого участка, а также территории, имеющие «общественное значение для коммуны или Республики» [Там же, с. 105]. Для того, чтобы участвовать в разделе, необходимо было проживать в коммуне не менее года на момент обнародования закона. Отдельная статья предписывала муниципалитетам осуществлять «отеческую заботу» об участках граждан, находящихся на военной службе [Там же, с. 106].

Этот декрет имел глубокие социальные последствия, поскольку, он укреплял союз якобинцев с крестьянством (удовлетворяя земельные интересы). Однако, двойственный характер, по мнению А.В. Адо, проявляется в том, что декрет «ставил под вопрос часть земельных приобретений городской и сельской буржуазии, совершенных в пору интенсивных аграрных сдвигов второй половины века» [1, с. 154]. Как раз это противоречие позволило говорить Е.Н. Петрову о том, что «декрет об общинных землях в наибольшей степени сочетал демократичность основных положений со стремлением повлиять на общественные условия низов сельских масс» [15, с. 185].

* Работа выполнена под руководством Ковалева А.В., кандидата исторических наук, доцента кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории и обществоведения ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Декрет от 17 июля 1793 г. «О безвозмездном уничтожении феодальных прав» законодательно оформил безвозмездную ликвидацию всей системы сеньориальных и феодальных прав без выплаты за это компенсации [6, с. 111]. Оценки этого Декрета в исторической науке крайне полярны. Так, Ф. Саньяк оценил его как «чистый грабеж» [1, с. 132], а М.М. Ковалевский, видя в нем «выдающееся значение», усматривал в нем причину последующей «феодальной реакции», выразившейся в ужесточении сеньорами сохранившихся у них хозяйственных прерогатив [7, с. 39].

Закон о продовольствии от 26 июля 1793 г. установил категорию товаров «первой необходимости», ввел обязательность их декларирования и право муниципалитетов назначать надзирающих комиссаров. Спекуляция такими товарами (хлебом, солониной, железом и др.), под которой понималось их хранение «спрятанными в каком-либо месте, не выпуская их ежедневно и открыто в продажу» каралась смертной казнью [6, с. 129]. Отметим, что поощрялась гражданская инициатива в донесениях о скупщиках: такой гражданин «получит одну треть товаров или припасов, подлежащих конфискации» [Там же, с. 130]. Механизм реализации носил социальный характер: треть конфискаций передавалась санкюлотам. Данный закон, вытекавший из политики твердых цен от 4 мая 1793 г. и предварявший Всеобщий максимум, ознаменовал переход к системному государственному регулированию экономики якобинцами.

В основе Декрета от 3–7 сентября 1793 г. лежал принцип принудительного изъятия средств через прогрессивную шкалу, взимаемую с доходов свыше 1000 ливров с холостых и 1500 ливров с семейных [Там же, с. 132]. Комиссары наделялись широкими полномочиями: от контроля деклараций до самостоятельного обложения уклоняющихся с двойным штрафом. Ключевой мерой было уничтожение собранных ассигнатов. Выданные квитанции не имели хождения и должны быть «проданы через два года по заключении мира» для покупки национальных имуществ [Там же, с. 133]. Нами обнаруживается черта экономики революционной диктатуры: принудительное изъятие с прямым сокращением денежной массы.

Преобразования включали унификацию измерений. Принятый Конвентом 1–2 августа 1793 г. Декрет о единстве мер и весов заложил основы новой десятичной системы мер и весов. Впоследствии, эта система получила международное распространение.

Общим итогом летних аграрных законов якобинского правительства, по мнению советского историка А.В. Адо, стало «наивысшим завоеванием революции в решении аграрно-крестьянской проблемы» [1, с. 154].

«План национального воспитания» явился попыткой создания новой образовательной системы якобинцев. Несмотря на первоначальную поддержку М. Робеспьера и обсуждение в Конвенте в июле 1793 г., проект учреждения «домов национального воспитания» был отменен уже в сентябре того же года.

Распространенной мерой к сентябрю 1793 г. стала таксация цен, например, на топливо и уголь [6, с. 122]. А.И. Самсаров рассматривает эти шаги как «своеобразный компромисс между властью и возмущенным народом, требующим таксации» [16, с. 189].

На основе доклада Л. Лекуантра о принципе общественной собственности на предметы первой необходимости, 11 сентября был принят декрет, устанавливавший единые твердые цены по всей стране на зерно, муку и фураж [17, с. 692–696]. Закон не только вводил таксацию, но и централизовал управление снабжением, четко регламентируя полномочия местных органов власти. Отметим, что эта мера привела к дефициту на рынках. Как сообщали комиссары в Комитет общественного спасения, «рынки опустели, всюду народ требует хлеба и начинает роптать» [4, с. 256], а это лишь усилило требования бедноты о введении всеобщего максимума.

Результатом работы комиссии стал Декрет о максимуме от 29 сентября 1793 г. Он устанавливал таксацию лишь на ограниченный ряд товаров (табак, соль и др.), в то время как цены, согласно ст. 4, на остальное определялись администрациями департаментов [6, с. 122]. Основой расчета служили цены 1790 г., увеличенные на 30% с учетом инфляции. Как и в других декретах, в ст. 7 предусматривались санкции: продажа выше максимума влекла штраф и запись в списки «подозрительных» [Там же]. Заработная плата, согласно декрету, «повсеместно устанавливалась генеральными советами ком-

мун» [6, с. 123]. Во исполнение декрета, 22 октября 1793 г. была создана Комиссия продовольствия и снабжения с исключительными полномочиями по изъятию и распределению урожая [8, с. 193–194]. К ноябрю комиссия получила контроль над внешней торговлей, а в декабре провела реквизицию иностранной валюты.

В 1793 г. политика якобинцев в социально-экономической сфере характеризовалась радикальными мерами. В аграрном секторе реализация декретов привела к формированию массового слоя крестьян-собственников. В условиях гиперинфляции и кризиса снабжения центральным инструментом стало жесткое государственное регулирование, воплощенное во «Всеобщем максимуме» и масштабных реквизициях продовольствия для нужд армии. Приоритетное финансирование оборонных предприятий укрепили военный потенциал, но, из-за перераспределения сырья и капитала, спровоцировали упадок других отраслей.

Францию к 1794 г. поразил кризис. Перед якобинцами встала острая необходимость поиска новых финансовых ресурсов, что нашло отражение в ряде принятых декретов. Их анализ позволяет выявить конкретные шаги правительства по стабилизации положения.

Декрет 21–22 февраля 1794 г. внес коррективы в декрет о максимуме, утвердив единую таблицу цен с учетом транспортных надбавок [14, с. 138]. На практике эта мера усугубила кризис, поскольку «твердые» цены стали невыгодны производителям, а это спровоцировало рост спекуляции.

Вантозский декрет от 3 марта 1794 г. «О способах помощи неимущим за счет имущества врагов революции» легитимизовал политику террора, придав ей социально-экономическое обоснование. Ст. I и II устанавливали процедуру составления списков неимущих и конфискации имущества «врагов революции». Впоследствии, должен был быть представлен «доклад о способах облегчить положение всех неимущих за счет имущества врагов Революции» [6, с. 115–116].

Систематизация принятых ранее норм воплотилась в декрете от 10 мая 1794 г. о спекуляциях с асигнатами и нарушениях максимума. Он не только ужесточил наказания, вводя смертную казнь с конфискацией имущества за преступления, совершенные «с намерением оказать содействие внутренним и внешним врагам Республики» [14, с. 210], но и скорректировал судебные процедуры. В частности, ст. 4 предписывала ставить вопрос о предумышленности лишь по требованию большинства присяжных, что усиливало роль этого института [Там же, с. 209–210].

К лету социально-экономическая политика якобинцев окончательно приобрела черты революционно-диктаторского управления. Вантозские декреты провозглашали курс на перераспределение и фиксированное ценообразование. Декрет от 10 мая 1794 г. превратил гильотину в стандартное наказание за экономические преступления, сделав террор основой исполнительной власти. В итоге, к июлю внутренние противоречия обусловили падение самого режима в ходе Термидорианского переворота 27 июля 1794 г.

Отмена максимума цен и системы реквизиций не привела к стабилизации экономики, а к гиперинфляции и падению уровня жизни. Неурожай 1794 г. вынудил Конвент разрешить свободный импорт продовольствия, но даже полная отмена «максимума» в декабре того же года не остановила рост цен. Кризис усугублялся нежеланием крестьян продавать продукты за обесцененные ассигнаты. Лишь урожаи 1796–1798 гг. смягчили ситуацию, совпав по времени с прекращением эмиссии бумажных денег. Эти события надолго сформировали во Франции недоверие к бумажным деньгам и тягу к «твердой валюте».

Невозможно и некорректно будет дать однозначную оценку социально-экономической политики Якобинской диктатуры. Она, с одной стороны, привела к масштабным преобразованиям: созданию слоя крестьян-собственников, впоследствии ставшего основой сопротивления реставрации Бурбонов, а также к шагам по совершенствованию законодательства и внедрению метрической системы. С другой стороны, методы ее осуществления (террор, конфискация), усугубили кризис и привели к упадку в хозяйственной сфере. Двойственное влияние обнаруживается и в социальной сфере, поскольку наряду с укреплением мелкого крестьянского землевладения, система снабжения крестьянами армии создала слой нуворишей. Наследие якобинского периода представляет собой сложную систему, заложившую основу для последующего развития французского государства и общества.

Литература

1. Адо А.В. Крестьяне и Великая французской революции: крестьянское движение в 1789–1794 гг. М.: Изд-во МГУ, 1987.
2. Адыгезалова Г.Э. Декларация прав человека и гражданина 1793 г. и Конституция Франции 1793 г.: от представительной демократии к непосредственной // Форум молодых ученых. 2018. № 4(20). С. 71–74.
3. Винокурова М.В. Об одной забытой дискуссии: проблема мелкой крестьянской собственности во Франции // Новая и новейшая история. 2015. № 5. С. 3–16.
4. Дживелегов А.К. Французская революция в провинции и на фронте (донесения комиссаров Конвента). М.; Л.: Государственное издательство, 1924.
5. Документы истории Великой французской революции: в 2 т. / отв. ред. А.В. Адо. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. Т. 1.
6. Документы истории Великой французской революции: в 2 т. / отв. ред. А.В. Адо. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. Т. 2.
7. Ковалевский М.М. Происхождение мелкой крестьянской собственности во Франции: соч. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1912. VI.
8. Лукин Н.М. Революционное правительство во Франции в эпоху Конвента. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1927.
9. Маметьев И.В. Французский террор 1793–1794 гг. в законодательных актах // Форум молодых ученых. 2017. № 8(12). С. 191–194.
10. Манфред А.З. Великая французская революция. М.: Наука, 1983.
11. Матъез А. Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора. М.; Л.: Государственное издательство, 1928.
12. Оконечников А.С., Начетова И.А. Организация Якобинского революционного правительства // Молодой ученый. 2022. № 47(442). С. 357–358.
13. Петров Е.Н. Борьба за общинные земли и декрет Конвента 10 июня 1793 г. // Ученые записки. Серия исторических наук. 1966. № 52. Вып. 6. С. 45–62.
14. Революционное правительство во Франции в эпоху Конвента (1792–1794) = Революционное правительство в эпоху конвента: сб. документов и материалов / пер. Н.П. Фрейберг; под ред. Н.М. Лукина. М.: Коммунистическая академия, 1927.
15. Ревуненков В.Г. История Французской революции. СПб.: Изд-во СЗАГС: Образование-культура, 2003.
16. Самсаров А.И. Экономическая политика революционного правительства Франции (1793–1794 гг.) // Вестник Брянского гос. ун-та. 2018. № 2(36). С. 188–195.
17. Archives parlementaires de 1787 a 1860: recueil complet des débats législatifs & politiques des Chambres françaises. Première série (1787–1799). Tome 73 / imprimé par ordre du Sénat et de la Chambre des députés. Paris: Librairie administrative de P. Dupont, 1867.

IVAN KLIMTSOV

Volgograd State Socio-Pedagogical University

THE INFLUENCE OF SOCIAL AND ECONOMIC POLICY OF THE JACOBIN DICTATORSHIP ON THE DEVELOPMENT OF FRANCE OF THE LATE XVIIITH – THE FIRST QUARTER OF THE XIXTH

The particular actions of the Jacobin dictatorship in the sphere of social and economic policy is considered at the example of the decrees of the National Convention. There are given the historiographic valuations. The influence on the development of France of the late XVIIIth – the first quarter of the XIXth is analyzed.

Keywords: the Jacobins, dictatorship, decrees, France, the French Revolution.